

VI

Славянское пѣніе.

Славянское пѣніе извѣстно Православной Русской церкви въ двухъ главныхъ видахъ, какъ пѣніе осмогласное, и какъ пѣніе не-осмогласное. Къ осмогласному, славянскому, пѣнію отъносятся роспѣвы *Сербскій* и *Болгарскій*; не-осмогласнымъ жъ славянскимъ пѣніемъ признается *пѣніе дѣмественное*.

Сербскій роспѣвъ не записанъ въ историческихъ лѣтописяхъ Великорусской церкви. Напротивъ, Южнорусская церковь имѣетъ о немъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній. Еще въ XV вѣкѣ Кіевскій Митрополитъ пригласилъ Григорія Симвлаха (Цамблака) пріѣхать въ Россію. Григорій, игуменъ Сербской Дечанской обители, называвшійся чаще пресвитеромъ и игуменомъ обители Пандократора или пресвитеромъ церкви Молдовлахійской, принялъ приглашеніе Кіевского Митрополита, и, по прибытіи въ Россію, скоро достигъ высшихъ степеней іерархіи. Онъ славился своими проповѣдями и знаніемъ церковнаго пѣнія: составленная имъ стихира на праздникъ Успенія Пресв. Богородицы пропѣта по частямъ, на всѣ восемь гласовъ. Въ половинѣ XVI вѣка Львовское Галицкое братство посылало четырехъ дьячковъ въ Молдавію для изученія напѣвовъ Греческаго и Сербскаго; въ то же время, въ ту же страну и съ тою же цѣлію, посланы были дьячки и изъ Перемышля.

Великорусская церковь познакомилась съ Сербскимъ роспѣвомъ во 2-й половинѣ XVII вѣка. Въ это время, между многими представителями Православной церкви, находился въ Москвѣ и Митрополитъ Сербскій. На линейныхъ нотахъ 1652 г. встрѣчается *сербскій киноникъ*, т. е. причастный стихъ сербскаго роспѣва. Барскій, слышавшій Сербское пѣніе на Аѳонѣ,

находить сербскій распѣвъ не очень продолжительнымъ: „Аео-нскіе Сербы, говорилъ онъ, на правилѣ, своими сербскими гласами, краткосложенными, поютъ.“ Изъ этого свидѣтельства можно заключать только о томъ, что сербскій распѣвъ отличался отъ греческаго распѣва.

Въ отечествѣ своемъ, сербскій распѣвъ не имѣетъ даже тѣхъ немногихъ памятниковъ, какими обладаетъ Великорусская церковь. Онъ сохранился въ Сербіи только преданіемъ. Цѣлости преданія много содѣйствовала особенная любовь Сербовъ къ церковному пѣнію: „тамъ земледѣлецъ за трудами своими поетъ церковную пѣсню; тамъ мать успокоиваетъ дитя свое звуками церковнаго же пѣснопѣнія; тамъ не тушь сопровождаетъ здравницу (здравную чашу), но народное — *многая лѣта*, которое съ восторгомъ поетъ и большой и малый; не чужеземныя модныя аріи услаждаютъ слухъ празднующихъ, но кто поетъ лучше, того просятъ пропѣть стихиру на гласъ 6-й, гласъ 3-й и т. п.“ Карловцы, мѣстопробываніе Сербскаго Патріарха, почитались такимъ городомъ, гдѣ, какъ въ ковчегѣ Православія, сохранилось пѣніе Сербской церкви, во всей своей чистотѣ, правильности и величіи.

Въ 1854 году пѣніе Сербской церкви въ первый разъ было изложено на музыкальныхъ знакахъ Корнилиемъ Станковичемъ (1). Имъ написаны и получили одобреніе мѣстной іерархіи и народа *Литурія св. Іоанна Златоустаго, Литурія Василія Великаго, Октоихъ, Обиходъ, Миня Праздничная*. Самое первое духовно-музыкальное положеніе Станковича было исполнено въ 1855 г. въ день Богоявленія, въ церкви Императорскаго Россійскаго Посольства въ Вѣнѣ. Изъ всѣхъ духовно-музыкальныхъ произведеній сербскаго распѣва Станковичъ издалъ только *Литургію св. Іоанна Златоустаго* въ партесномъ положеніи на четыре голоса, сопрано, альтъ, теноръ и басъ.

Сербскій распѣвъ подчиненъ церковному закону осмогласія. Мелодія сего распѣва, по своему умирительному характеру, весьма близка къ кievскому распѣву Русской церкви. Она

(1) Корнелій Станковичъ родился въ Пестѣ въ 1832 г., скончался въ 1865 г. Онъ получилъ музыкальное образованіе въ Вѣнѣ, и всѣми матеріальными средствами къ усѣшному занятію пѣніемъ Сербской церкви обязан покойному сербскому Патріарху Іосифу Раяичу.

впрочемъ не однообразна. Одно и то же пѣснопѣніе, въ одномъ и и томъ же гласѣ, иначе поется въ Карловцѣ, и иначе—въ Сербскомъ Бѣлградѣ.

Болгарскій распѣвъ явился въ Русской церкви, какъ надобно полагать, одновременно съ распѣвомъ греческимъ. Еще во время Ярослава 1 уставщиками церковнаго пѣнія въ Россіи были пѣвцы отъ *Славянъ Болгарскихъ*. Болгарскіе уставщики, исполняя возложенное на нихъ служеніе въ храмѣ, могли передать Русскимъ пѣніе своей отечественной, Болгарской, церкви. Впрочемъ молчаніе исторіи о семъ предметѣ и отсутствіе памятниковъ болгарскаго распѣва, относящихся ко временамъ Ярослава, не позволяютъ почитать это предположеніе неоспоримою истиною.

То, что нынѣ Русская церковь знаетъ подъ именемъ *болгарскаго распѣва*, сдѣлалось ей извѣстно на линейныхъ квадратныхъ нотахъ въ 1652 г. посредствомъ членовъ Южнорусской церкви. Съ появленіемъ болгарскаго распѣва, русскіе пѣвцы такъ привыкли къ нему, что безъ особеннаго затрудненія перелагали мелодію его на безлинейныя ноты знаменнаго распѣва и отличали ее отъ другихъ церковныхъ распѣвовъ. Барскій, по прибытіи своемъ на Аѳонскую гору, тотчасъ отличилъ тамъ *пѣніе Болгарское*. Во второй половинѣ XVII в. Болгарскій распѣвъ былъ въ особенно частомъ употребленіи въ церкви Велikorусской.

Болгарскій распѣвъ, подобно греческому и другимъ церковнымъ распѣвамъ, подчиненъ закону Богослужебнаго осмогласія.

Первый гласъ болгарскаго распѣва имѣетъ областію *до, ре, ми, фа, соль*, съ господствующимъ звукомъ *фа*, и окончательнымъ *ре* ⁽¹⁾. Порядокъ областныхъ звуковъ слѣдующій: *фа, ми, ре, соль, до*.

Во второмъ гласѣ болгарскаго распѣва область *си, до, ре, ми*, имѣетъ господствующимъ звукомъ *ре*, а окончательнымъ *си*, и звуки, по количественному употребленію ихъ, слѣдуютъ въ порядкѣ: *ре, ми, си, до*.

⁽¹⁾ Окончаніе *до* въ 1 гласѣ болгарскаго распѣва не можетъ быть основною тональностью, и должно быть отнесено къ тональности *ре-фа*.

Болгарскаго роспѣва Богъ Господь во гласъ К.

Богъ Господь и яви ся намъ
яви ся намъ благо
словъ грядый ко намъ господь не-

или въ положеніи на четыре голоса:

Богъ Господь и яви ся

намъ яви ся намъ благо

сло венъ гря дый во и мя

го спо дне.

Третій гласъ болгарскаго роспѣва остается въ области *до*, *ре*, *ми*, *фа*, съ окончательнымъ звукомъ *ре* и господствующимъ *ми*. Самые звуки соблюдаютъ порядокъ: *ми*, *ре*, *до*, *фа*.

Въ области *четвертаго гласа*, *ля*, *си*, *до*, *ре*, окончательнымъ звукомъ служитъ *ля* ⁽¹⁾, а господствующимъ *ре*, и самые звуки слѣдуютъ въ порядкѣ: *ре*, *до*, *си*, *ля*.

Пятый гласъ болгарскаго роспѣва совершается въ области *ля*, *си*, *до*, *ре*, *ми*, съ господствующимъ звукомъ *ми* и окончательнымъ *ля*. Порядокъ областныхъ звуковъ, по количественному ихъ употребленію, въ гласовой мелодіи: *ми*, *ре*, *до*, *ля*, *си*.

⁽¹⁾ Окончаніе *ре* 4 гласа болгарскаго роспѣва, въ музыкальномъ смыслѣ, есть не совершенное окончаніе тональности *ми*.

Шестый гласъ болгарскаго роспѣва держится въ области *ля, си, до, ре*, и имѣеть господствующимъ звукомъ *ре*, а окончательнымъ *си*. Порядокъ областныхъ звуковъ—*ре, до, си, ля*.

Мелодія *седьмаго гласа* болгарскаго роспѣва написана въ области *до, ре, ми, фа*, съ господствующимъ звукомъ *ре* и окончательнымъ *до*. Въ этой области чаще употребляется *фа*, за нимъ—*ми*, потомъ *ре* и наконецъ *до*.

Восьмый гласъ болгарскаго роспѣва по своей области, а также по своему окончательному и господствующему звуку, совершенно сходенъ съ седьмымъ гласомъ знаменнаго роспѣва. Все различіе въ мелодіи сихъ гласовъ заключается только въ среднихъ, совершенныхъ и несовершенныхъ, окончаніяхъ.

Мелодія болгарскаго роспѣва не смотря на то, что написана въ одномъ и томъ же гласѣ, не всегда одинакова по своей протяженности. Она бываетъ *большая* и *малая*; большая, или протяженная, мелодія болгарскаго роспѣва назначалась для церковнаго употребленія во дни недѣльные или воскресные, а малый болгарскій роспѣвъ назывался иначе *дневнымъ*, и употреблялся въ прочіе дни недѣли, кромѣ воскреснаго дня.

Демественное пѣніе, по происхожденію отъ греческаго слова *димности* (*δημιωσι*), означаетъ вообще пѣніе народное, домашнее.

Въ Православной церкви всегда существовалъ благочестивый обычай совершать пѣніе священныхъ пѣснопѣній, не только во храмѣ при Богослуженіи, но и внѣ храма, частнымъ образомъ, въ семействѣ или домѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Отцы церкви. Исторія церковная говоритъ, что благочестивый христіанскій обычай сопровождать домашнія занятія пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній въ V вѣкѣ былъ не чуждъ и чертоговъ царскихъ. Императоръ Θεодосій младшій, съ сестрами своими, ежедневно упражнялся въ пѣніи псалмовъ во дворцѣ своемъ.

О распространеніи и укрѣпленіи сего обычая въ народѣ прилагали особенное стараніе духоносные пастыри Христіанской церкви. Св. Іоаннъ Златоустъ не рѣдко предлагалъ своимъ наставѣ совѣтъ и увѣщаніе пѣть въ домахъ, частнымъ образомъ, священныя пѣснопѣнія вмѣсто мірскихъ, *подлыхъ*, цѣломудрію христіанскому не свойственныхъ, *пѣсенъ*. Вмѣстѣ съ увѣщаніемъ къ домашнему употребленію священныхъ пѣснопѣній Отцы церкви представляли вѣрующимъ и обильный

плодъ отъ такого домашняго упражненія. „Поющїи бо, говорятъ Златоустъ, Духа Святаго исполняются, якоже мірскїя пѣсни наводятъ духа сатанинскаго.“ Отцы церкви, передавая извѣстіе о домашнемъ пѣніи своей паствы, постоянно употребляютъ слово *μελωδία*, или *μελωδῆω*. Нѣтъ повода подозрѣвать въ семъ случаѣ неточность выраженїи въ творенїяхъ отеческихъ, и потому должно думать, что домашнее пѣніе древнихъ христіанъ было пѣніемъ чисто *мелодическимъ*, то есть, или написано было на ноты для одного голоса, или, если не написано было на ноты, то исполнялось въ одинъ голосъ.

Благочестивый обычай домашняго пѣнія священныхъ пѣснопѣній перешелъ отъ Грековъ вмѣстѣ съ вѣрою къ народамъ Славянскимъ. Здѣсь этотъ обычай былъ очень общеупотребителенъ и силенъ. Въ XIV вѣкѣ домашнее пѣніе священныхъ пѣснопѣній называлось у Славянъ греческимъ именемъ—пѣніе демественное, отъ *δημηωσι*. Это наименованіе свидѣтельствовало *во первыхъ* о современномъ братскомъ общенїи церковей Греческой и Славянской, и *во вторыхъ* о томъ, что обычай демественнаго пѣнія, по происхожденію своему, не коренный Славянскїи, а самое пѣніе—не произведеніе пѣвцовъ Славянскихъ.

Славяне передали демественное пѣніе христіанамъ Русской церкви. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ Іоакимова лѣтопись. Напротивъ, степенныя книги положительно свидѣтельствуютъ, что демественное пѣніе получено въ Россїи отъ трехъ пѣвцовъ греческихъ, прибывшихъ къ Ярославу, въ половинѣ XI вѣка. Очень можетъ быть, что демественное пѣніе принесено въ Россїю Славянами первоначально при св. Владимірѣ, а потомъ при державномъ внука его возобновлено, или усилено, въ Россїи пѣвцами греческими.

Исторїя демественнаго пѣнія въ Россїи состоитъ изъ двухъ эпохъ: первая пять столѣтїи отъ появленїя демественнаго пѣнія въ Россїи при Ярославѣ составляютъ эпоху первоначальную, — со второй же половины XVI вѣка начинается другая, новая, эпоха демественнаго пѣнія.

Демественное пѣніе было пѣніемъ мелодическимъ. Такой же характеръ имѣло демественное пѣніе и въ началѣ, когда принесено было въ Россїю. По сказанію лѣтописи, мелодїя демественнаго пѣнія отличалась особеннымъ изяществомъ. Степенныя книги прямо называютъ это пѣніе *самымъ прекраснымъ*.

Но отчего зависѣла красота демественной мелодіи—отъ технического построенія ея, или отъ искусства въ исполненіи? Самая мелодія демества составляла ли свободную импровизацію пѣвца, или сложилась временемъ въ опредѣленное, неизмѣнное цѣлое? Какъ цѣлое, отвержденное навыкомъ, демественная мелодія передавалась ли преемственно только съ голоса, по наслышкѣ, или изложена была письменю, и имѣла свою семеіографію? Всегда ли демественная мелодія была однообразна, и въ какомъ отношеніи находилась къ другимъ современнымъ мелодіямъ, или распѣвамъ? На всѣ эти вопросы, можно отвѣчать только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями, а область ихъ—крайне обширна.

Достовѣрно извѣстно, что демественное пѣніе, въ первоначальную эпоху, постоянно употреблялось въ Россіи, и исполнители его пользовались особенною славою между своими современниками. Въ XII вѣкѣ говорится о *деместникѣ* Владимірскомъ, а въ XIV вѣкѣ встрѣчаемъ *демественника* въ Новгородѣ (1).

Степенная книга отличаетъ демественное пѣніе отъ пѣнія храмоваго, осмогласнаго. Это различіе даетъ разумѣть, что демественное пѣніе употреблялось предками нашими только въ домахъ, при обыкновенныхъ занятіяхъ, и составляло ежедневное благочестивое упражненіе *домашней церкви*.

Понятіе о демественномъ пѣніи, какъ о пѣніи собственно домашнемъ, вполне соотвѣтствуетъ древнему значенію демества, оправдывается послѣдующею исторіею его и совершенно сообразно съ выраженіемъ русскихъ лѣтописей. Демественное пѣніе, какъ домашнее упражненіе, привычно было благочестію Новгородцевъ. Новгородскій князь Димитрій Красный, за нѣсколько дней до кончины своей, къ удивленію всѣхъ „нача пѣти *демествомъ*: Господа пойте и превозносите Его во вѣки,—таже аллилуія, посемъ же стихъ Богородичный 4-го гласа пѣсни *Жилище свое имый въ вышнихъ*, таже и иныя Богородичныя стихи пояше“.

(1) И. Г. Р. Т. III. прим. 23 и Т. V прим. 121. Судя потому, что лѣтописи большею частью почти буквально передаютъ греческія слова, должно полагать, что слова—*деместникъ* и *демественникъ* или *одемественникъ*, употребляются лѣтописцами не въ одинаковомъ смыслѣ.

Съ половины XVI вѣка, кромѣ историческихъ замѣчаній о демественномъ пѣніи, встрѣчаются нотныя рукописи этого пѣнія. Демественное пѣніе первоначально изображалось безлинейными нотами знаменнаго роспѣва. Но употребленіе знаменныхъ нотъ для демественнаго пѣнія должно почитать исключеніемъ. Съ конца XVI вѣка и позднѣе, демественное пѣніе обыкновенно изображалось отдѣльными, демественными, знаками. Знаки сіи писались безъ линеекъ, отчасти сходны съ безлинейными нотами знаменнаго роспѣва, но въ большинствѣ случаевъ отличны отъ нихъ, и совершенно уже отличны отъ нотъ кондакарныхъ, и своимъ начертаніемъ и пѣвческимъ значеніемъ ⁽¹⁾. Получили ли демественные знаки свою форму въ Россіи и когда именно—достоверно сказать нельзя.

Изученіе демественниковъ, т. е. нотныхъ книгъ, писанныхъ особыми безлинейными знаками, не трудно: потому что демественное пѣніе доселѣ еще извѣстно любителямъ его практически. Существуютъ также и руководства къ изученію сего пѣнія. Къ такимъ руководствамъ относятся: а) *азбуки демественнаго пѣнія*, объясненныя безлинейными нотами знаменнаго роспѣва; б) *демество*, или нѣсколько пѣснопѣній демественныхъ, изложенныхъ на безлинейныхъ нотахъ знаменнаго роспѣва, или даже на общеупотребительныхъ и общедоступныхъ церковнолинейныхъ знакахъ.

Демественное пѣніе всегда было пѣніемъ мелодическимъ: въ демественникахъ надъ строкою текста св. пѣснопѣнія постоянно находилась только одна строка безлинейныхъ знаковъ. Мелодія демественнаго пѣнія отдѣлана до изящества, и совершенно оправдываетъ собою сказаніе лѣтописца, назвавшаго демественное пѣніе пѣніемъ *самымъ прекраснымъ*. Изящество демественной мелодіи весьма много зависитъ отъ того, что она свободна отъ всѣхъ условій и опредѣленныхъ границъ, положенныхъ для Богослужебнаго, храмоваго, пѣнія.

Богослужебное пѣніе издревле подчинено опредѣленному закону — гласу, который естественно удерживаетъ искусство и дарованія пѣвца въ должныхъ границахъ. Демественная мелодія свободна отъ сихъ границъ. Протоіерей Андрей Іоанновъ, въ своемъ сказаніи о старообрядцахъ, замѣчаетъ, что „деме-

(1) Безлинейные знаки демественнаго пѣнія представлены въ приложеніи V.

ственное пѣніе перваго, или шестаго, гласа не означаетъ“. Въ нотныхъ демественникахъ надъ пѣснопѣніями весьма часто надписанъ и *гласъ*, и даже *подобенъ*. Но это надписаніе не имѣетъ никакого, явнаго или скрытаго, отношенія къ самой демественной мелодіи; оно обличаетъ только простую привычку писца слѣдовать Богослужебнымъ книгамъ не нотнымъ, гдѣ извѣстное пѣснопѣніе всегда печатается съ опредѣленнымъ надписаніемъ *гласа* и *подобна*.

Гласовая мелодія Богослужебнаго пѣнія всегда составляетъ служебную часть текста священныхъ пѣснопѣній: она соединяетъ силу и выразительность звуковъ съ удареніемъ словъ и съ грамматическимъ построеніемъ ихъ, употребляетъ большія, среднія и малыя остановки, или окончанія, сообразуясь въ семь случаевъ съ орфографическими знаками. Демественная мелодія не стѣсняется ничѣмъ подобнымъ: движенія ея независимы отъ текста, подавляютъ его собою, не рѣдко прекращаются среди словъ, находящихся въ грамматической связи. Въ демественномъ пѣніи извѣстно два вида остановокъ: *починъ демествомъ* и *захватъ демествомъ* (¹). Свободная мелодія демественнаго пѣнія отличалась разнообразіемъ. Въ демественникахъ встрѣчаемъ *херувимскую пѣснь*, называемую *перелевть*. Въ 1666 и 1669 годахъ пѣвчіе Государевы и Патриарховы не рѣдко пѣли *демественное многолѣтіе большое*. Такимъ образомъ построеніе демественной мелодіи, свободное отъ всѣхъ условій, ограничивающихъ построеніе собственно церковной мелодіи, а также самая безлинейная семеіографія демества, при всей близости къ безлинейной семеіографіи знаменнаго распѣва, совершенно отличная отъ нея, ясно показываютъ, что демественная мелодія никогда въ Россіи не назначалась для Богослужебнаго употребленія. Къ тому же заключенію приводятъ и другія историческія соображенія.

Въ исходѣ XVI вѣка, въ назначеніи демественнаго пѣнія совершился значительный переворотъ: оно, вмѣсто домашняго, келейнаго, пѣнія, сдѣлалось храмовымъ, Богослужебнымъ, пѣніемъ. Во всѣхъ важныхъ торжествахъ XVII вѣка употребляется демественное пѣніе въ храмѣ: во всякій великій праздникъ — величаніе, славникъ, поются *демествомъ*. При бракосочетаніи Царя Михаила Феодоровича, пѣвчіе пѣли многолѣтіе

¹) Различіе между ними всего яснѣе можно видѣть изъ примѣра. См. Прилож. VI

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи, и Государыни Царицы и Великой Княгини Евдокии Лукіиновичи *демествомъ* (1). Приѣзжавшимъ въ Москву Патріархамъ, Александрійскому и Антиохійскому, какъ бы въ честь, важнѣйшія стихиры, въ царскомъ присутствіи, поются *демествомъ же*.

Церковность демественнаго пѣнія не была явленіемъ безпричиннымъ. Во второй половинѣ XVI вѣка, какъ свидѣтельствуется исторія церковнаго пѣнія, открылся первоначально недостатокъ въ лицахъ, знающихъ осмогласное пѣніе, а потомъ оказалось такое обиліе ихъ, что даже молодые отрочата принимали на себя обязанность учителя, или мастера. Оба эти обстоятельства, какъ ни кажутся они противоположными другъ другу, могли расположить предковъ нашихъ къ тому, чтобы демественное, домашнее, пѣніе отнести къ разряду пѣнія Богослужебнаго и употреблять его единственно во храмѣ, при торжественномъ, общественномъ, Богослуженіи. Многіе изъ современниковъ, употребляя демественное пѣніе, знали его наизусть, твердо; слѣдовательно они легко могли замѣнить собою недостатокъ лицъ, знающихъ церковное гласовое пѣніе. Обиліе пѣвцовъ, увлекаемое любовью къ пѣнію, желаніемъ продолжительности его, усердіемъ къ торжественности и благолѣпію священнослуженія, также могло приносить въ храмъ пѣніе домашнее, которое, по самому свойству своему, заключало въ себѣ не мало музыкальности и, по исполненію, давало возможность пѣвцу яснѣе обнаружить и свое знаніе и силу природнаго голоса.

Равнымъ образомъ демественное пѣніе состояло изъ такихъ элементовъ, которые, по понятіямъ, сложившимся во второй половинѣ XVI вѣка, никакъ уже не могли составлять принадлежности домашняго пѣнія.

Безлинейная семеіографія демественнаго пѣнія, во второй половинѣ XVI в., вошла въ составъ *Казанскаго знамени* (2), и

(1) См. описаніе семи старинныхъ свадебъ М. 1798 г. стр. 53. мѣщанин Терново-Орловскаго. Въ семъ описаніи сказано, что оно заимствовано изъ старинной рукописи стараго слога, со многими рисунками, за рѣдкость почитаемой.

(2) *Казанское знамя* составилось изъ безлинейныхъ нотъ знаменнаго распѣва и демественнаго пѣнія, во второй половинѣ XVI вѣка. Названіе такого смѣшенія нотъ *Казанскимъ знаменемъ* объясняется тѣмъ, что *пѣвчіе дьяки* царя Ивана Васильевича желали воздвигнуть побѣдителя казанскаго царства *особый памятникъ*, достойный царя, какъ любителя пѣнія церковнаго и покровителя пѣвчихъ. Казанское знамя было очень употребительно между русскими пѣвцами въ первую половину XVII вѣка. Этими знаменомъ писаны многія современные *мелодическія* и *партесныя* *строчныя* рукописи.

такимъ образомъ сдѣлалась принадлежностію церковнаго пѣнія. Текстомъ для мелодіи демественнаго пѣнія служили священныя пѣснопѣнія; исполненіе ихъ при домашнихъ занятіяхъ также могло казаться несообразнымъ съ назначеніемъ пѣснопѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ, мелодія демественнаго пѣнія, которая могла остаться въ домашнемъ употребленіи предковъ, не входя въ храмъ за своимъ текстомъ и своею семеіографіею, также сдѣлалась принадлежностію церковною: то была неизбѣжная дань современнымъ понятіямъ. Переносъ демественнаго пѣнія изъ частныхъ христіанскихъ домовъ въ храмъ, или церковь, первоначально послѣдовалъ, какъ надобно полагать, въ Новгородѣ, столицѣ современной свободы, или въ Москвѣ, подъ вліяніемъ Новгородцевъ. Демество впервые изложено въ Богослужбныхъ нотныхъ книгахъ, писанныхъ Новгородцами около 1569-го года. Стефанъ Вонифатіевъ, этотъ Московскій „всемога“ второй половины XVI вѣка, указывавшій Митрополитамъ, и любитель церковнаго пѣнія, также происходилъ изъ Новгорода.

Въ практикѣ Богослужбнаго, храмоваго, пѣнія демество всегда имѣло значеніе пѣнія частнаго, *второстепеннаго*. Въ нотныхъ Богослужбныхъ книгахъ Русской церкви демество всегда писалось послѣ церковнаго, знаменнаго, распѣва: оно явилось даже въ церковномъ употребленіи не иначе, какъ въ одеждѣ и подъ покровомъ семеіографіи знаменнаго, или столповаго, осмогласнаго распѣва. Употребленіе демества при Богослуженіи было также крайне ограничено: въ храмѣ исполнялось демествомъ не все, относящееся до Богослуженія, а только не многое. И тогда, какъ церковное пѣснопѣніе исполнялось демествомъ, начальныя слова пѣснопѣнія большею частью исполнялись знаменнымъ распѣвомъ. Основаніе къ второстепенному значенію демественнаго пѣнія заключалось въ самомъ устройствѣ его и въ постоянной памяти о его прежнемъ, не церковномъ, значеніи. Демественная мелодія, какъ сказано уже, построена была не на осмогласіи, главномъ признакѣ Богослужбнаго пѣнія Православной церкви. Демество, не смотря на свое церковное употребленіе, удержало за собою и свое древнее преимущество, какъ пѣніе домашнее: его именно, а не осмогласное церковное пѣніе, исполняютъ русскіе пѣвцы за царскимъ столомъ, въ присутствіи Патріарховъ.

Въ то именно время, когда демество стало достояніемъ соб-

ственно Богослужебной практики, въ домашнемъ употребленіи предковъ сдѣлались извѣстны *псалмы*, то есть разные стихи духовнаго содержанія. Псалмы отличались отъ демества текстомъ и нотами. Мелодія псалмъ изображалась почти постоянно безлинейными знаками знаменнаго роспѣва, а иногда и нотами линейными: по своему техническому устройству, она имѣла не мало самостоятельнаго развитія, и только изрѣдка подчинялась опредѣленному церковному гласу. Чѣмъ болѣе демественное пѣніе пріобрѣтало церковнаго значенія, тѣмъ болѣе въ домахъ христіанъ—предковъ нашихъ распространялось употребленіе *псалмъ*. Къ половинѣ XVII вѣка огносятся довольно уже обширные сборники псалмъ.

Такимъ образомъ 1) названіе демественнаго пѣнія—не русское и не славянское, а греческое; 2) демественное пѣніе, современное началу Русской церкви, никогда въ ней не прекращалось; 3) демественное пѣніе никогда не было пѣніемъ гармоническимъ, а только мелодическимъ; 4) мелодія демественная первоначально украшала собою только дома и мирныя домашнія занятія христіанъ, а потомъ сдѣлалась принадлежностію церковно-Богослужебною; и наконецъ 5) вмѣсто демества, всѣ домашнія занятія христіанъ стали сопровождаться пѣніемъ духовныхъ псалмъ.
